

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРТИЙ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

Ключевые слова: парламентаризм, «правые» и «левые» политические партии, политический ландшафт Европы, социал-демократия, христианские демократы, радикалы, националисты

По давней традиции политические партии принято классифицировать, прежде всего, на «правые» и «левые». Впервые такое деление появилось во время Великой французской революции 1789 г. Российский специалист по партийно-политическим системам В.Я. Швейцер писал: «Тогда правыми назывались те, кто сидел по правую руку от короля - представители дворянского сословия, духовенства, крупных землевладельцев. «Левыми» автоматически становились будущие либералы, прежде всего представлявшие интересы нарождавшейся буржуазии, а также различных городских слоев, простого люда»¹. С тех пор такое деление стало общепринятым. Правые партии, как правило, ассоциируются с защитниками существующего порядка, а левые – со сторонниками реформ. Впоследствии это определение существенно эволюционировало: главным критерием “правых”, примирившихся с политической демократией, стала враждебность расширению социально-экономической роли государства, которая отождествляется с высокими налогами и засилием бюрократии, тогда как для “левых” его перераспределительная функция предстает важнейшим инструментом антикризисного регулирования экономики и смягчения социального неравенства. В начале XXI в. “кадровые” партии становятся правилом, а массовые – исключением, что объясняется “атомизацией” постиндустриального общества, усилением индивидуализма, ролью СМИ. Необходимым условием функционирования партийно-политических систем в рамках плюралистической демократии является хотя бы минимальный консенсус между большинством и оппозицией по базовым ценностям общества, делающий возможной их периодическую ротацию у власти. В противном случае демократия рискует уступить место тоталитарным диктатурам “левого” или “правого” толка с их едиными партиями, монополизирующими власть при опоре на силовые структуры и безраздельный контроль над духовной жизнью общества. Катастрофические последствия их господства достаточно известны. Эти известные теоретические посылы доказываются на примере европейских партий, особенно в формате евроинтеграции.

Падение в 1989 г. Берлинской стены, антикоммунистические “бархатные революции” в странах советского блока, распад СССР круто изменили политический пейзаж Европы конца XX века. Влияние компартий в западноевропейских странах резко упало. Посткоммунистические левые партии стран Центральной и Восточной Европы поспешили примкнуть к Социнтерну, принимая участие в левоцентристских кабинетах². В то же время в государствах постсоветского пространства, где социал-демократическое

¹Швейцер В.Я. Правая политическая культура на партийном пространстве Европы // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. – Ч.1 / Институт Европы РАН. - М., 2008. - С. 11.

²См.: Brandt W. A year of Revolution never to be forgotten/Socialist Affairs. - L., 1990. - #1. - P. 37; Яжборовская И.С. Социал-демократы Центральной и Юго-Восточной Европы: смена парадигм //Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». – М., 2010 - С. 181-185.

движение остается пока раздробленным и маргинальным, левый фланг все еще занимает преобладающие позиции в рядах компартий времен тоталитарного режима. Однако и в их рядах идут процессы постепенной внутренней дифференциации.

Лозунги революционного свержения капитализма остались уделом маргинальных внепарламентских группировок – троцкистов или анархистов³.

К методам террора прибегают до сих пор лишь подпольные группировки национал-сепаратистов в Стране басков (ЭТА), Северной Ирландии (ИРА), на Корсике (ФНЛС). Подпольные вооруженные структуры, как правило, располагают политическим крылом в виде легальных партий типа североирландской “Шин Фейн”. Однако их влияние остается сугубо локальным, тогда как умеренные националисты ограничивают свои требования расширением местной автономии и включаются в политическую жизнь соответствующих государств (каталонцы в Испании, шотландцы в Великобритании, шведы в Финляндии и т. д.).

Влиятельные позиции на крайне левом фланге политического спектра многих европейских стран заняли движения защитников окружающей среды. Кое-где “зеленые” превратились в партии, которые привлекают определенную часть левого электората требованиями не только экологического, но и политического, в частности, пацифистского, характера. В конце 1990-х гг. их представители вошли в состав левоцентристских правительств таких крупных государств, как Франция и Германия.

Доминирующее положение в левом секторе европейских политических партий прочно заняли социал-демократы. Взяв верх в вековом споре с коммунистами, оттеснив либералов вправо, социал-демократия оказалась единственной “системной” альтернативой господству правых консерваторов⁴.

В XXI век Европа вступила “левой ногой”: в 11 из 15 стран-членов Евросоюза, правительства возглавили социалисты, социал-демократы или лейбористы. Однако эти внушительные успехи не могут скрыть давно разнедающий европейскую социал-демократию изнутри кризис идентичности, который затрагивает самые основы ее традиционного кредо.

Как известно, изначально спор между социал-демократами и коммунистами шел о формах и методах борьбы за социализм, ее тактике, о принципах построения партии (реформа или революция, парламентская демократия или диктатура пролетариата, оппозиция буржуазным правительствам или участие в них, фракционный плюрализм или “демократический” централизм). К концу XX столетия этот спор был решен самой жизнью. Отныне политические аспекты программных документов европейских социал-демократов ограничиваются лишь частичными реформами, касающимися совершенствования демократических институтов и так называемых “проблем общества” (обеспечение плюрализма СМИ и прочее).

Но европейская социал-демократия столкнулась с еще более серьезной проблемой. Речь теперь идет не столько о выборе оптимальных средств достижения конечной цели – перехода от капитализма к социализму, сколько о сути самого социализма, понятие которого становится все более зыбким, туманным, противоречивым⁵.

³Алескерев Ф.Т., Ордешук П. Выборы. Голосования. Партии. – М.: Академия, 1995 - С.136.

⁴ См.: Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». – М., 2010.

⁵ См., например: Крелль К. Кризис германской социал-демократии: пять причин и пять способов его преодоления //Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». - М., 2010. - С. 75-88.

Неутешительные результаты тотальной национализации частной собственности, создания административно-командной системы централизованного планирования в бывшем СССР, странах Центральной и Восточной Европы убедили социал-демократов в том, что альтернативы рыночной экономике не существует. Поэтому к началу XXI в. социал-демократические партии Европы не только отказались от национализации, но и взяли курс на приватизацию основных отраслей промышленности и банков, ограничив госсектор главным образом малорентабельными или убыточными общественными службами.

Задачей социал-демократии провозглашалось теперь социальное партнерство, постепенное улучшение существующего общества с помощью частичных реформ в рамках демократического государства. Отказ от прежней цели неизбежно меняет и средства. Речь идет о переходе от неокейнсианства с его приоритетом спроса к либерал-монетаризму, отдающему первенство предложению.

Таким образом, смещение влево оси партийно-политических систем большинства европейских стран во второй половине 1990-х гг. в значительной мере компенсировалось обратной тенденцией – поправлением программ и особенно практической деятельности всех социал-демократических партий Европы, стоящих у власти⁶.

Казалось бы, по логике вещей данная тенденция объективно шла на пользу правому флангу европейского политического спектра: поскольку идеи и политику правых взяли на вооружение их левые конкуренты, что толкало избирателя к естественным защитникам правых ценностей. Кое-где правые партии действительно сумели воспользоваться “моральным износом” левых и вернуться к власти – в Испании, Италии, Австрии, Венгрии, Болгарии, Румынии и до недавнего времени в Польше⁷.

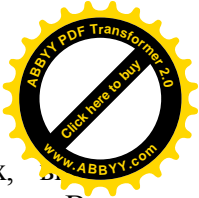
Однако “консервативная революция” М. Тэтчер, под знаком которой прошли 80-е гг., к началу XXI в. изрядно выдохлась⁸. В отличие от традиционных правоконсервативных партий христианские демократы в принципе признавали необходимость создания системы соцстраха путем реформ в духе доктрины “социального христианства”. Это была не только тактика, вызванная стремлением перехватить у левых популярные лозунги, – в ФРГ, например, ХДС немало способствовал участию профсоюзов в управлении предприятиями. Христианские демократы сыграли значительную роль в восстановлении и модернизации экономики своих стран, преодолении ими последствий поражения во второй мировой войне, в евроинтеграции. Тем не менее со временем долгое пребывание у власти привело ко все более заметному “моральному износу” их наследников. Прибрав к рукам основные рычаги государственной власти и связанные с этим материальные выгоды, они погрязли в коррупции, дискредитировав идею христианской демократии.

Со своей стороны либералы, давно перекочевавшие из левого в правый центр, оставались принципиально враждебными вмешательству государства в экономику. Но поскольку на такую позицию перешли многие консервативные партии, то влияние “чистых” либералов резко снизилось. Потеряв вместе с монополией на либеральные ценности значительную часть своего традиционного электората среди городской буржуазии, лиц свободных профессий, они оказались обреченными на роль “довесков”

⁶ Загладин Н.В. Кризис социал-демократии или политических идеологий современности? // Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». - М., 2010. - С. 21-25.

⁷ См. Тэвдой-Бурмули А.И. Правые радикалы на арене европейской политики //Европейский парламент. Проблемы и перспективы: По материалам международной практической конференции /Институт Европы РАН. - М.: Огни, 2004. - С. 87.

⁸ Каргалова М.В. Правый лагерь и социальная модель для Европы //Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. – Ч.1 /Институт Европы РАН. - М., 2008. - С. 36

христианских демократов или консерваторов в правоцентристских коалициях, в которых они рисковали полностью маргинализироваться и уйти из политической жизни. В таком положении оказались британские либералы, слившиеся с умеренной фракцией лейбористов, германские Свободные демократы, французские радикалы, расколовшиеся на две мелкие партии, одна из которых примкнула к союзу левых сил с социалистами и коммунистами, тогда как другая влилась в либерально-центристский Союз за французскую демократию (СФД).

Разумеется, базовые консервативные ценности – защита закона и порядка, семьи и собственности – остаются неотъемлемой частью символа веры любой европейской правой партии, точно так же, как бескомпромиссная враждебность любому “коллективизму”⁹. Однако такой фундаментальный аспект традиционной правой идеологии, как национал-авторитаризм, некоторое время оставался в тени. Запятнанный воспоминаниями о преступлениях фашистских диктатур в годы второй мировой войны, он был к тому же плохо совместим с интеграцией стран Западной Европы в атлантические и европейские структуры, предполагавшей отказ от части национального суверенитета. Именно атлантизм и особенно европеизм служили в годы “холодной войны” краеугольным камнем блока христианских демократов с либералами и умеренными консерваторами.

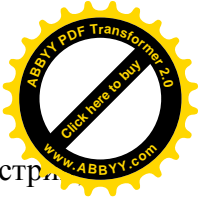
Однако уже в 50-е гг. данная ниша оказалась заполненной. Сплав патриотических лозунгов защиты национального суверенитета, в том числе в рамках евроатлантических структур, с призывами восстановить авторитет государства путем расширения полномочий исполнительной власти, положив конец неустойчивости правительств, впервые осуществил генерал де Голль во Франции. Основанные им партии – Объединение французского народа (РПФ) в 1947–1953 гг., затем Союз за новую республику (ЮНР), Союз демократов за Пятую республику (ЮД-V), наконец, Объединение в поддержку республики (РПР) – в 60-е – 90-е гг. стали крупной политической силой.

Особенность голлизма заключалась в том, что он не подвергал сомнению основы плюралистической демократии, охотно прибегая к социал-реформистской фразеологии, привлекавшей часть электората. Однако голлистские лозунги “ассоциации капитала и труда” не получили сколько-нибудь ощутимого подкрепления в практической плоскости. Поэтому несомненные заслуги де Голля в решении назревших проблем деколонизации, модернизации экономики страны, укрепления ее обороны и повышения престижа на международной арене не помешали острому социально-политическому кризису, потрясшему Францию в мае–июне 1968 г. и ускорившему уход генерала с политической арены. После него неоголлистское движение, возглавленное Ж. Помпиду, затем Ж. Шираком, довольно скоро утратило свою прежнюю специфику, став одной из разновидностей консервативных партий с креном к либерализму.

Если голлизм исторически вырос из движения Сопrotивления гитлеровским оккупантам во время второй мировой войны, восприняв многие его демократические и социальные идеи, то крайне правые ультранационалистические партии, возникшие в ряде европейских стран с 60-х гг., стали прямыми наследниками нацизма и его коллаборационистских прислужников в оккупированных Германией европейских странах. Хотя проводить прямые исторические параллели было бы вряд ли корректно – ситуация в Европе после второй мировой войны изменилась качественно – идейно-политическая и социальная преемственность между фашистскими движениями прошлого и их современными последышами не подлежит сомнению.

Основой пропагандистского арсенала неофашистов, как и их предшественников, служит националистическая и расистская демагогия. Однако ныне она подпитывается новым явлением, свойственным Европе последней четверти XX в., – массовым притоком

⁹ Швейцер В.Я. Правая политическая культура на партийном пространстве Европы? // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. – Ч.1 / Институт Европы РАН. - М., 2008. - С. 10.

иностранной рабочей силы из стран “третьего мира” (турок в Германии, Австрии, Швейцарии, арабов, африканцев, вьетнамцев во Франции, Бельгии, Италии, Испании, индийцев и пакистанцев в Англии и т. д.)¹⁰. Их численность достигает, по разным оценкам, 15–16 млн человек (5–6% самодеятельного населения). Хотя иммигранты заняты на самых грязных, тяжелых, низкооплачиваемых работах, обострение проблемы занятости вызвало растущую межэтническую и межконфессиональную напряженность в странах приема, которая выливается порой в откровенную дискриминацию, сегрегацию и даже кровавые инциденты. Им способствует сосредоточение основной массы рабочих–иностранцев в пригородах крупных промышленных центров, становящихся рассадниками нищеты, болезней, наркомании, преступности¹¹. Отсюда – требования ультраправых предельно ужесточить иммиграционную политику вплоть до принудительной высылки иностранцев, законодательно ввести “национальное предпочтение” при приеме на работу и т. д.

Однако сводить феномен неонацизма в Европе начала XXI в. только к реакции на присутствие иммигрантов было бы неверно. Факты говорят о том, что ультраправые движения находят немало сторонников во многих регионах и государствах, где такое присутствие крайне незначительно, например, в Австрии, Швейцарии, Голландии, государствах постсоветского пространства и Восточной Европы¹². Дело в том, что крушение коммунистических режимов и упадок влияния компартий, с одной стороны, сближение идеологии и политики “системных” партий левого и правого центров – с другой, создали определенный вакуум для протестного электората, которым и воспользовались неонацисты.

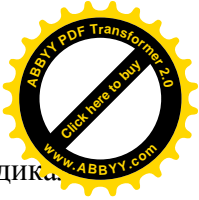
Праворадикальные партии отвергают ценности обоих основных политических течений современной Европы – как демократического социализма, так и либерализма. В их пропагандистском арсенале широко представлены такие притягательные для протестного электората темы, как критика налогового бремени, раздутой бюрократической машины, неэффективности парламентских институтов, беспринципности и продажности профессиональных политиков. В международном плане акцент делается на негативные последствия глобализации и евростроительства, защиту национального суверенитета, осуждение американизированной “массовой культуры”. Очевидно, что многие из этих тем позаимствованы из пропагандистского арсенала европейских коммунистических партий времен “холодной войны”. В свою очередь, сегодняшние преемницы этих партий в странах ЦВЕ и постсоветских государствах немало почерпнули из национал-патриотической фразеологии ультраправых.

Ультраправое движение в Европе конца XX – начала XXI вв. затронуло европейские государства неодинаково, что объясняется различиями их истории и политической культуры. В Северной Европе (Великобритания, Скандинавские страны) оно осталось на уровне маргинальных группировок деклассированной молодежи типа банд “бритоголовых” с их показной нацистской символикой и хулиганскими расистскими выходками. В то же время в некоторых странах Южной, Центральной и Восточной Европы, где издавна существуют традиции политического экстремизма, как левого, так и правого, это движение приобрело формат довольно влиятельных политических партий. Примерами могут служить Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена во Франции, Итальянское социальное движение Дж. Альмиранте, Национал-демократическая партия М. Муссунга в ФРГ, Партия свободы Й. Хайдера в Австрии, Датская народная партия П. Кьерсгаарда. Их

¹⁰ Швейцер В. Я. Партийно-политические системы XXI века .[www//partsistlist.ru](http://partsistlist.ru).

¹¹ О проблемах интеграции иммигрантов в странах ЕС см.: Джоробекова Г.Э. Иммиграция и интеграция иностранцев в Европейском союзе: политические подходы. – Бишкек, 2005. - С. 61-81.

¹² Швейцер В.Я. Европа: большой опыт малых стран //Современная Европа. – 2008. - #4. - Октябрь-декабрь. - С. 52-53.

аналогом в государствах постсоветского пространства служат радикально-националистические группировки в странах Балтии, на Украине (УНА-УНСО), наконец, в России (Либерально-демократическая партия В. Жириновского, Русское национальное единство (РНЕ) А. Баркашова).

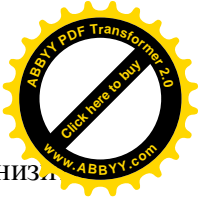
Собирая на выборах иногда до 15–20% голосов, ультраправые получают возможность шантажировать умеренные консервативные группировки расколом правого лагеря, навязывая себя в качестве партнеров сначала на местном, региональном (Франция) и даже на национальном уровне (“черно-синяя” коалиция, пришедшая к власти в Австрии в 2000 г.). Наглядным проявлением данной тенденции является крупная победа на парламентских выборах 2001 г. в Италии правого блока во главе с медиамагнатом С. Берлускони, союзниками которого выступали сепаратистская “Лига Севера” У. Босси и неофашисты. Она вызвала серьезные опасения левоцентристских сил, стоящих у власти в большинстве стран Евросоюза.

Однако, несмотря на относительные успехи праворадикальных партий, в нормальных условиях Европе XXI в. вряд ли грозит перспектива сползания к неофашизму: соотношение основных политических сил делает такой вариант крайне маловероятным. Характерно, что в конце 90-х гг. французский Национальный фронт раскололся на две соперничающие фракции, Итальянское социальное движение сменило название и программу, дистанцировавшись от фашистского прошлого, германские национал-демократы остались мелкой, изолированной группировкой, влияние ЛДПР и РНЕ в России не выходит за пределы маргинальных люмпенизированных слоев. Ситуация может измениться лишь в случае крупных экономических потрясений и межнациональных конфликтов.

Главным козырем экстремистов на обоих флангах европейского политического спектра и источником опасности для демократии служит, как уже отмечалось, кризис идентичности, переживаемый всеми “системными” партиями без исключения. По мере того как умеренные консерваторы или христианские демократы смягчают крайности своих либеральных принципов, а социал-демократы обновляют каноны социализма, понятия “левых” и “правых” постепенно размываются и девальвируются. Более того, в вопросах демонтажа систем социальной защиты правые партии объявляют себя теперь модернистами-реформаторами, а своих левых конкурентов – архаичными консерваторами, защитниками отживших корпоративных привилегий, несовместимых с вызовами глобализации. В России коммунисты, считающиеся левой оппозицией, прибегают не только к обычной для них социальной демагогии, но и к национал-патриотической риторике, лозунгам защиты закона и порядка, семьи и морали – традиционалистских ценностей, почерпнутых из классического арсенала правых.

Тот факт, что Европа, преодолевшая за последнее десятилетие XX в. раскол на противоположные общественные системы в международном плане, уходит теперь от былой идеологической конфронтации на уровне каждого из составляющих ее государств, вполне логичен. Процессы глобализации и евростроительства придают внутривнутриполитическим проблемам новое измерение, требующее большего прагматизма. К тому же электораты левых и правых партий, которые делят между собой избирательный корпус примерно поровну, утрачивают четко выраженный некогда социальный профиль. Хотя “правые” по-прежнему в большей степени опираются на собственников, а “левые” – на людей наемного труда, результаты выборов решающим образом зависят от голосов представителей среднего класса, более или менее равномерно распределяющихся между всеми политическими течениями. Естественно, что борьба за их симпатии способствует сближению партийных программ.

Будучи в принципе бесспорно позитивной, тенденция к поискам европейскими “системными” партиями левого и правого центров минимального общего знаменателя по основным проблемам, стоящим перед соответствующими странами, сопряжена с определенными издержками. Чем меньше становится роль идеологических факторов в

общественной жизни Европы, тем сильнее искушение публичных политиков снизить уровень своего диалога с конкурентами, использовать в борьбе за власть пиарные приемы “грязных технологий” манипулирования общественным мнением – компромат, скандалы, личную дискредитацию соперников и т. д. Этому способствует колоссальное влияние СМИ, особенно электронных: в погоне за сенсациями они нередко превращают предвыборную борьбу в рекламное шоу, исход которого в значительной степени определяется контролем мощных финансовых групп над основными источниками информации.

Налицо, таким образом, признаки определенной американизации политической жизни большинства европейских государств, тесно связанной с аналогичными процессами в сфере бизнеса, массовой культуры, быта¹³. Однако то, что за Атлантикой опирается на прочно устоявшиеся 200-летние традиции, в Европе вызывает болезненные последствия. Если в Великобритании сохранилась прочная двухпартийная система, послужившая некогда образцом для США (просто либералов еще в начале XX в. сменили лейбористы), то в странах континентальной Европы она так и не привилась. Ее функции более или менее успешно выполняют многопартийные системы, в рамках которых происходит периодическая ротация у власти право- и левоцентристских коалиций. Поскольку системообразующие партии (консерваторы, христианские демократы, либералы, с одной стороны, социал-демократы, социалисты, лейбористы – с другой) редко добиваются самостоятельного абсолютного большинства в парламентах и органах местного самоуправления, им приходится выторговывать поддержку либо небольших “шарнирных” партий либерального толка в центре (типа Свободных демократов в ФРГ), либо крайних группировок справа или слева (коммунистов во Франции или Италии, неонацистов в Австрии) в обмен на министерские портфели и корректировку политики.

Все чаще можно наблюдать формирование центристских правительств меньшинства, лавирующих между левым и правым флангами в парламенте с тем, чтобы обеспечить прохождение тех или иных законопроектов с помощью временной опоры то на левую, то на правую оппозицию.

Когда же подобные комбинации оказываются неспособными обеспечить парламентское большинство, умеренные правые партии и социал-демократы идут на компромисс, создавая правительства “большой коалиции”. Так бывало во Франции конца 40-х – начала 60-х гг. (“Третья сила”), в ФРГ конца 60-х гг., Бельгии, Голландии, Скандинавских странах, Австрии и т. д.

Очевидно, что эффективность такого рода правительств весьма относительна. Кроме того, несовпадение по срокам президентских и парламентских выборов приводит к тому, что главы государств и правительств нередко представляют разные партии, вынужденные к более или менее конфликтному “сожительству” (ФРГ, Франция, Италия, Португалия, Австрия и до недавнего времени Польша).

Оба варианта – как блоки умеренных партий с экстремистами, так и левого центра с правым – подрывают эффективность решения назревших проблем, дискредитируют политическую систему в глазах избирателя. Утрачивая привычную систему координат, определяемую не только материальными интересами различных категорий граждан, но и ценностными ориентирами, он теряет интерес к выборам, относится с растущим скептицизмом, если не цинизмом, к политическим элитам. Многочисленные коррупционные скандалы, связанные с незаконным финансированием политических партий (ХДП в Италии, ХДС в Германии и т. д.) укрепляют его в этом мнении. Это усиливает чувство отчуждения граждан от политической элиты, толкает их к абсентеизму на выборах или множит протестный электорат, отдающий голоса мелким экзотическим или экстремистским группировкам. Если сложить число воздержавшихся и избирателей,

13

Мотрошилова Н. В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой // Современная Европа. – 2008. - #4. - Октябрь декабрь. - С. 23.

голосующих за кандидатов самых различных оппозиционных партий, неспособных создать альтернативное большинство, то окажется, что даже самые легитимные правительства Европы выступают от имени максимум трети избирательного корпуса, что не может не отражаться на их авторитете.

Издержки функционирования западноевропейского варианта многопартийной системы на национальном уровне воспроизводятся в более масштабном формате на уровне Евросоюза. С самого начала процесса европейской интеграции отношение к ней раскололо оба традиционных политических лагеря – и левый, и правый. Партии левого и правого центров – социалисты и социал-демократы, либералы, христианские демократы, часть консерваторов – решительно поддержали этот процесс в его наиболее продвинутом федеративном варианте. Крайние же фланги – коммунисты, левые социалисты, с одной стороны, правые националисты голлистского толка и большинство британских и скандинавских консерваторов (“евроскептики”) – с другой, резко критиковали наднациональные формы интеграции, предпочитая им сотрудничество суверенных государств (“Европа отечеств”)¹⁴.

Сходства и различия подходов тех или иных политических группировок к путям евростроительства имели двоякие последствия: создавая платформу для сотрудничества “системных” партий левого и правого центров внутри отдельных стран, они придают в то же время конфликтам вокруг них международное измерение, еще более запутывающее рядового избирателя.

Проблему не решает и интернационализация партий в рамках ЕС. С развертыванием евростроительства эти объединения приобрели новое качество, став основой единых фракций в Европейском парламенте, который с 1979 г. избирается всеобщим прямым голосованием во всех странах ЕС.

Если после выборов 1991 г. большинство в Европарламенте прочно удерживали “левые”, прежде всего социалисты, то пять лет спустя оно перешло к “правым”. Между тем исполнительные органы ЕС – Евросовет, Совет министров, Комиссия, назначенные правительствами государств-участниц, сохраняют левоцентристскую ориентацию. Это еще более осложнило отношения между различными институционными звеньями ЕС, и без того крайне деликатные после вынужденной отставки прежнего состава Комиссии ЕС, обвиненного в коррупции.

В государствах ЦВЕ и особенно постсоветского пространства проблемы становления многопартийного политического механизма как необходимой предпосылки перехода к рыночной экономике и демократии во многом воспроизводят трудности, переживаемые этим механизмом в Западной Европе, придавая им гипертрофированные формы

Тем не менее, приверженность рыночной экономике и парламентской демократии, вхождение в НАТО и ЕС создают в странах ЦВЕ определенный консенсус левых и правых партий, сделавший возможными усиление роли парламентов и ротацию власти (Польша, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия)¹⁵.

Таким образом, политический ландшафт Европы в конце XX - начале XXI вв. включает различные политические партии и объединения, начиная от традиционных “левых”(социал-демократические и социалистические) и “правых”(консервативные, демохристианские, либеральные) и заканчивая анархистскими, экологистскими, посткоммунистическими, национально-радикальными, неофашистскими и др. Но следует

¹⁴ Громько Ал. А. *Метаморфозы либерализма и консерватизма в Великобритании XX века // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. – Ч.1 / Институт Европы РАН - М., 2008. - С. 50.*

¹⁵ Крук Н., Даудерштадт М., Герритс С. *Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. Интеграция — Примирение — Стагнация /Пер. с англ.. - М.: Культурная революция, 2004.*

иметь в виду, что ряд партий, особенно “левого” и “правого” толка утратили многие присущие им раньше родовые черты. В этом смысле показателен пример либералов, перешедших из левого лагеря в правый. Трансформацию идеологии, политического кредо многих европейских партий следует рассматривать в тесной связи с социально-экономическими процессами в странах Европы, в контексте глобальных изменений в Европе и в мире, в целом. Новые вызовы вынудили европейские партии пересмотреть свои фундаментальные установки, стратегические цели и тактику поведения среди электората. Основные акторы европейской политической системы предлагают своим сторонникам различные варианты социально-экономического и политического переустройства жизни, модели экономического развития. Многие партии теряют свою прежнюю популярность среди населения. Не случайно сегодня принято говорить о кризисе современной социал-демократии. Крайне важно отметить следующее обстоятельство: политический плюрализм, присущий национальным политическим системам, воспроизводит себя также на европейском уровне при выборах в Европарламент.

***Аннотация.** Статья посвящена анализу европейского спектра политических партий. Рассмотрены их идейно-политические установки и реальная политика. Отмечены значительные изменения в расстановке политических сил.*